

УДК 882

DOI 10.21661/r-114635

П.Х. Хунарикова

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ В ПОЭЗИИ А.А. БЛОКА

Аннотация: в статье рассматривается путь лирического героя от влюбленного романтика, отчаявшегося, потерявшего веру человека, до ожесточенного борца за новую Россию. Автор отмечает, что Александр Блок в русскую литературу, в художественную культуру человечества вошел, прежде всего, как гениальный поэт бурной порубежной эпохи.

Ключевые слова: поэзия, лирический герой, лиризм, Блок, поэт.

P.Kh. Khunarikova

A LYRIC HERO IN BLOCK'S POETRY

Abstract: in the article the way of lyric hero is examined, how he changed from an in love romantic, despairing, losing a faith man, to the bitter fighter for new Russia. The author also points that Alexander Block entered the Russian literature, fiction of mankind, as a brilliant poet of the era.

Keywords: poetry, lyric hero, lyricism, Block, poet.

Александр Блок в русскую литературу, в художественную культуру человечества вошел, прежде всего, как гениальный поэт бурной порубежной эпохи. Но на протяжении всей его творческой жизни – параллельно со стихотворными циклами – создавалась и развивалась своеобразная проза поэта – критические и философско-публицистические статьи» очерки, рецензии, остросовременные, озаренные гражданской страстностью и глубоким лиризмом поэта и «человека бесстрашной искренности». Вряд ли дискуссионные сейчас отдаленные временем и пересмотренные духовным опытом нашей жизни замечания и суждения (даже признанных филологов), в которых явно сказывается недооценка литературных и общественных выступлений Блока. Д.Е. Максимов, автор первой фундаментальной и синтетической работы о прозе поэта [3], Максимов утверждает большую и живую ценность прозаического творчества Блока: органически связанно

со стихами общими идеями. Оно во многом раздвигает круг проблем, поднимаемых поэтом в лирике, углубляет и проясняет их решение, прибавляет к его облику «нечто новое, исключительно важное, самоценное»; именно в прозе концентрируются значительные для Блока темы народа и интеллигенции, стихии, культуры и цивилизации, отчеканиваются «формулы его борьбы с декадентством, индивидуализмом, эстетизмом», наконец, в ней более наглядно, может быть, чем в лирике поэта, обнаруживается «логика его внутреннего пути к народной революции».

Существенно и то, что высокое качество блоковских статей Д.Е. Максимов видит не только Вих тесной связи со временем, в причастности к прогрессивному движению эпохи, но и в эстетической значимости их формы. Признание «художественной органичности и поэтической убедительности блоковской прозы» [4, с. 32], ее «смысловой и эмоциональной емкости и лирической точности» [4, с. 44] непосредственно вытекает из выдвинутого тезиса исследователем Г.А. Малофеева, что «общепринятое в критике дискурсивное мышление часто уступало место художественному методу» [4, с. 32]. «Музыкальная спаянность» содержания с блестящей артистичностью формы и дает право рассматривать статьи и очерки Блока как замечательное явление словесного искусства. Мастерство Блока-прозаика все чаще подчеркивается последнее время в работах не только советских литературоведов, но и зарубежных исследователей.

Неоднократные высказывания самого поэта о своеобразии стиля его статей и рецензий также вскрывают художественную природу его критической мысли. Развертывая комментарий к поразившей его в рассказе Л. Андреева фразе в целую картину, Блок признается, что в этой фразе он слышит «трепет, объяснимый только образно».

Тем не менее в большинстве статей и рецензий раннего и позднего Блока-критика импрессионистические тенденции не приобретают даже той относительной последовательности, до которой они доходили в критических выступлениях Бальмонта или Ин. Анненского. Еще в 1904 году, разбирая основной сборник критических статей Бальмонта «Горные вершины» и, конечно, оценивая этот

сборник уже прославленного тогда в символистских кругах поэта вполне положительно, он позволил себе выразить – осторожно и почтительно- некоторую неудовлетворенность методом бальмонтской критики. «Не может быть спора о том, – писал он в своей рецензии, – что «субъективная» критика глубже, могущественнее, живее той – отжившей. Но и в ней, – сколько бы ни открывались перед нами пышные горизонты, – мы все будем знать, что есть еще и еще неизведанные дали. Никто не подаст спасительно руки, указующей на целое, на полноту. И хочется, чтобы кто-то протянул эту руку» [1].

Выразившееся в этих словах стремление Блока найти какие-то решения и ответы, выводящие за пределы возможностей импрессионистической критики, не подлежит сомнению. Первоначально это стремление осуществлялось в духе соловьевских идей еще в первой статье Блока о поэзии (1901–1902). «Соловьевский элемент» определенно улавливается в рецензиях Блока: 1903 года – на вторую симфонию А. Белого и 1904–1905 годов – на сборник стихов Поликсены Соловьевой «Иней», на книги Брюсова «Urbietorbi» (вторая рецензия) и «Stephanos» (первая рецензия). Во всяком случае вполне очевидно, что к туманной и аморфной импрессионистической стихии в критике и в художественном творчестве он, даже в те годы, относился без идеализации и рад был противопоставить ей противоположный регулирующий принцип. Реализацию такого принципа Блок, между прочим, увидел в поэзии Брюсова. «Умея ковать стихи, – писал Блок, вторично рецензируя брюсовский сборник «Stephanos», – Брюсов умеет ковать и идеи, не давая им расплыться.

Блок не любил теоретизировать по поводу своих писаний независимо от того, стихотворными они были или прозаическими, но он оставил некоторые общие суждения о своей критике и о литературной критике вообще, которые полностью распространяются и на его собственную критическую прозу и на основании которых можно заключить, что он отделял ее от общераспространенной критической литературы и склонен был сближать с языком искусства.

Наиболее общим признаком, характеризующим художественную природу блоковской прозы, как уже было сказано, является живая индивидуальность поэта, его человеческая суть, растворенная в самых больших и самых малых, противоречивых и непрерывных элементах структуры и содержания прозаических произведений Блока.

Понятно, что названные особенности мы встречаем не только в блоковской прозе, но и в родственной ей поэтической критике его современников. И, однако, общность не мешает видеть глубокие индивидуальные отличия, которыми проза Блока на этом фоне выделяется.

О лиризме блоковской прозы, в сущности, уже шла речь в связи с общей характеристикой словесных, главным образом патетически-эмоциональных, лейтмотивов, сопровождающих или представляющих авторское я Блока в его статьях и рецензиях. Но лиризм прозаических произведений Блока, конечно, выходит за пределы этих лейтмотивов и разливается широкими волнами по тексту подавляющего большинства этих произведений, внося в них особую, в известной мере ритмизирующую их интонацию [2].

Блок не избегает анализа и умозаключений, но они пронизываются, окружаются, а иногда почти отесняются у него наплывающим лирическим переживанием. Мысль Блока – глубокая, выстраданная, насыщенная эмоцией – не превращается в рационалистическую конструкцию, чаще всего лишена «исследовательского аппарата» (даже простые библиографические ссылки в его тексте – сравнительно редкое явление). Все это имеет прямое отношение к художественной органичности, «непреднамеренности», поэтической непосредственности блоковской прозы, но в этом же – причина ее недостаточной формально-логической вооруженности, ее «незащищенности».

Лиризм, разлитый в прозу Блока и резко изменяющийся в ней по степени своей интенсивности, то крайне снижая свою силу, то значительно ее, увеличивая, часто и даже чаще всего сосредоточивается в ее образах, образных скоплениях и сочетаниях. Лирическое начало вносит в художественный объект элемент поэтического синтеза. Художественный образ – локально-словесный или более

широкий, входящий в произведение как значимая тематическая часть – также синтетичен, полисемантичен по самой своей природе, соотнесен с общим смыслом произведения, в потенции наполнен этим смыслом, а значит, обращен и к личности автора. В этом внутренняя связь обеих поэтических ипостасей – лиризма и образности – в поэтическом искусстве вообще и в прозе Блока [4].

Лирика Блока располагает целой системой генерализирующих средств. Одно из них – отсутствие конкретных бытовых и психологических мотивировок сюжетных ситуаций.

В лирических стихотворениях Блок создает социально – нравственные и психологически бытовые зарисовки, поэт сразу вводит нас в атмосферу душевного состояния героя и дает этому состоянию нравственную оценку, не объясняя причин его возникновения. Изображение лирической ситуации обычно начинается с ее констатации.

Возникновение лирической ситуации, даже если обозначены условия и время ее появления, не мотивируется. В этих случаях конкретизируются, и то очень относительно, обстоятельства ее протекания, сама же ситуация сразу раскрывается как некая данность. В ряде произведений отсутствие конкретной мотивировки лирической ситуации подчеркивается прямым контрастом между восприятием героя и течением его мыслей, обретающих характер душевного прозрения. Мотивировка как бы остаётся за рамками стихотворения, а открывающая его картина природы или бытовая зарисовка, нередко служащее в лирике формированию настроения героя, предстают частью сложного душевного переживания, а не поводом к нему. Так, например, построены многие стихотворения цикла «Родина».

Даже в тех немногих стихотворениях, где есть элементы фабулы, в какой-то мере мотивирующие лирическую ситуацию, мотивировка не имеет определенности, что позволяет трактовать ситуацию широко и многопланово, – например, в стихотворениях «На железной дороге» и «Перед судом».

Возможность расширительного прочтения лирической ситуации увеличивается и за счет характера ее изображения. Рисунок лишь намечен, имеет вид

наброска. Предметная, портретная, пейзажная детали всегда условны – либо за счет подчеркнутой импрессионистичное™, либо, наоборот, намеренной традиционности. Для читателя открывается возможность сотворчества, многовариантной конкретизации изображенного. Традиционная известная деталь занимает большое место, например, в цикле «Родина». Это и «плат узорный до бровей», и тройка, – и песня ямщика, нищие избы, поле, степь, коршун и т. д.

Такая деталь, уже встречавшаяся читателю сколько-нибудь знакомому с русской культурой, играет здесь роль своеобразной сноски, отсылая его к фольклору, к поэзии Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, прозе Гоголя, драме Островского, живописи Нестерова, Врубеля.

Исследователи не раз отмечали склонность Блока к литературным реминисценциям – речевым и стилевым.

Очевидно, прием цитации используется Блоком и на более высоком уровне мирообразов; концепций, идейных трактовок. Составляющее характерную черту самых разных философских жанров художественное мышление аналогиями актуализирует в сознании читателя духовный опыт, накопленный человечеством, что помогает художнику встать на путь больших обобщений.

Список литературы

1. Александр Блок, Андрей Белый: Диалог поэтов о России и революции / Сост., вступ. ст. коммент. М.Ф. Пьяных. Библиотека студента словесника – М.: Высш. шк., 1990. – 687 с.
2. Блок А. Собр. соч. В 8-ми т. Дальше произведения Блока цитируются по этому изданию с обозначением тома – римской цифрой, страниц – арабской. – М. – Л., 1960–1963.
3. Максимов Д.Е. Критическая проза Александра Блока // Блоковский сборник. Тарту.
4. Маяковский В. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. – М.: Гослитиздат, 1959. – Т. 12. – С. 21.

Хунарикова Петимат Хамидовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, преподаватель ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», Россия, Грозный.

Khunarikova Petimat Khamidovna – candidate of philological sciences, associate professor of the Department of Russian and Foreign Literature, lecturer FSBEI of HE “Chechen State University”, Russia, Grozny.
